

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-41-53

УДК 81'42

ИНТОНАЦИОННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

Зарезина С.Н., Мойсеенко А.А.

Цель. Представленная статья посвящена особенностям использования интонации и ударения как фонетических средств воздействия на адресата в адвокатском дискурсе. Интонация и ударение рассматриваются как суперсегментные фонетические единицы, включающие в себя такие составляющие, как мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр речи, фразовое и логическое ударение.

Метод и методология проведения работы. Основные методы исследования относятся к дискурсологии; авторами используется метод дискурсивного анализа фонетических явлений с точки зрения перцепции и их манипулятивной значимости. В качестве методологической основы исследования выступают работы отечественных и зарубежных ученых, посвященных сущностной природе дискурса, адвокатского дискурса в частности.

Результаты исследования. В результате анализа речи адвоката Р.В. Ардыкуцы делается вывод о том, что речевое воздействие на аудиторию за счет использования фонетических средств вместе с другими средствами, такими как лексические, синтаксические, стилистические и др., может проявляться достаточно ярко и являться эффективным способом влияния на аудиторию в рамках судебного процесса.

Область применения результатов исследования. Результаты исследования могут быть использованы в рамках лекционных и семинарских занятий по дискурсу, судебной лингвистике, теории речевого воздействия.

Ключевые слова: дискурс; фонетический; суперсегментные фонетические единицы; воздействие; интонация; ударение; адвокатский дискурс; адвокат.

EXPRESSIVE INTONATION AS A TOOL OF INFLUENCING THE ADDRESSEE IN ADVOCACY DISCOURSE

Zarezina S.N., Moiseenko A.A.

Purpose. *The article deals with intonation and stress as the phonetic ways of influencing the addressee in advocacy discourse. We focus on the melodics, rhythm, intensity, tempo, tone colour, phrasal and logic stress that compose a suprasegmental level.*

Method and methodology. *The method we are based on is discourse analysis. To be more precise, we use the method of analyzing phonetic means in the way they are perceived by the addressee and the way they help manipulate him/her. The methodological basis of the study is a wide range of Russian and foreign linguists' research works that are devoted to discourse nature and advocacy discourse in particular.*

Results. *The practical material of our research is the resonant speech of the advocate R.V. Ardytsupa in court. The video of the advocate's speech can be found on the Internet and was much spoken about in 2015. The defendant of the criminal trial – S.V. Kuryshv – is an ex-politician and ex-member of the Legislative Assembly in Vladimirskaya region. Finally, we conclude that by means of expressive intonation an advocate can have an influence on the addressees during a trial.*

Practical implications. *The results of the research can be used at lectures and seminars on Discourse, Forensic Linguistics and Theory Speech Manipulation.*

Keywords: *discourse; phonetic, suprasegmental phonetic units; influence; intonation; stress; advocacy discourse; advocate.*

В последние десятилетия наблюдается стремление лингвистов к все более углубленному анализу природы и свойств человека, представленных в языке во всей их совокупности. Дискурс в этой связи выступает как отражение природы человека во всем ее многообразии – в сочетании объективного и личностного, наблюдаемого и проинтерпретированного говорящим.

Говоря об уникальной и неоднозначной сущности языка, Ю.М. Ма-линович указывает на необходимость дальнейшего изучения человеческого «Я» «со всеми семантически значимыми интроспекциями, страстями души, волевыми, ценностными ориентациями и восприя-тием мира через призму личностной пристрастности к окружающему миру, в том числе и миру себе подобных, что составляет семиосфе-ру человека как манифестации своего Я» [8, с. 5]. Собственное «Я», выражаемое говорящим в языке и дискурсе, или, иными словами, личностный смысл представляет собой состояние сознания, возникающее в результате соотносительности вербального или невербального выражения с денотативной ситуацией, сконструированной говоря-щим / пишущим в соответствии с его осознанными или неосознан-ными интенциями на основе веры, желания, личного мнения или особого личностного эмоционального состояния [4, с. 91].

В западной традиции изучением способов выражения собствен-ного «Я» в дискурсе занимались ряд исследователей. П. Грайс трак-туют дискурс как симбиоз фактуального смысла и смысла говоря-щего (utterer's occasion-meaning) [15, с. 91].

Д. Канеман и А. Тверский характеризуют дискурс как процесс ментального конструирования мира (mental construction) на основе эвристических моделирования (simulation heuristics). Ментальное кон-струирование может осуществляться через моделирование насто-ящего, прошлого и будущего и основано на личностном представ-лении эмоций в дискурсе [16, с. 201].

В рамках подобного подхода, предлагаемого Э. Акерманом, про-цесс познания и порождения дискурса рассматривается в нераз-рывной связи с бытием отдельной личности и ее взаимодействием с окружающим миром. Исходя из этого, во главе порождения дискурса стоит живое знание, находящееся в каждом конкретном человеке. Будучи живым, индивидуальное знание растет в своем контексте (knowledge lives and grows in context), что неизменно на-ходит отражение в дискурсе [13, с. 25].

К. Тобин и Д. Типпинс пишут, любое знание и любой дискурс может быть одновременно и общественным (social) и личностным

(individual) [17, с. 163]. А. Беттенкорт провозглашает точку зрения о том, что все познанное познается только путем личностного конструирования (all we come to know is our own construction) [14, с. 39].

Принимая во внимание вышеизложенное, можно предположить, что собственное «я», выражаемое в дискурсе, не только демонстрирует эмоциональное состояние говорящего, его осознанные или неосознанные интенции и личное мнение относительно того, чем он говорит, но и является средством коммуникативного воздействия. Подобного рода дискурс призван не просто информировать и описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но интерпретировать их, выражать свое личное видение ситуации посредством использования тех или иных языковых средств для регулирования поведения адресата, управлять восприятием описываемых объектов и ситуаций, навязывать выгодную говорящему положительную или отрицательную оценку. В этом смысле адвокатский дискурс не является исключением. Участники судебных заседаний, в частности адвокаты, используют весь спектр языковых средств воздействия, включая фонетический, для оказания влияния на аудиторию и достижения преследуемых целей.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной науки к изучению адвокатского дискурса как фонетического явления, а именно к вопросам, связанным с участием интонации и ударения в процессе убеждения и воздействия на аудиторию в процессе судебного заседания. *Целью* настоящей работы является исследование суперсегментных (надлинейных, просодических) средств, используемых адвокатом, для придания эффективности своему выступлению и оказания воздействия на аудиторию в рамках судебного заседания.

Речевое воздействие восходит своими корнями в античность, где зародилось риторика, одно из значений которой – искусство убеждать. Необходимость своей речью не только доносить информацию, но и влиять на аудиторию возникла с тех пор, как усложнились отношения между людьми, и образовались такие явления, как политика, суды и т.д., где искусство убеждения играло огромную роль

[7]. Посредством речевого воздействия мы регулируем поведение другого человека, подталкиваем их к совершению, изменению или завершению того или иного действия, либо вызываем стремление при необходимости выполнить какое-либо действие. То есть суть речевого общения – это выполняемое за счет определенных речевых средств воздействие, направленное на регулирование деятельности других людей [12].

Говоря об особенностях адвокатского дискурса, следует отметить, что осуществляемое воздействие является социально ориентированным, когда говорящий строит образ не каждого собеседника, а обобщенный образ группы как целого, который ему также необходимо учитывать для удачного речевого воздействия. Этот вид речевого воздействия способствует регуляции деятельности слушающего и изменению его поведения [11].

В любом дискурсе и адвокатском дискурсе в частности воздействие, оказанное с помощью фонетических средств, является наиболее существенным, поскольку адресату (-ам) адвокатская речь представляется исключительно в устной форме.

Особую роль при оказании влияния играет интонация, об уникальных свойствах которой говорили еще в древности. Так, Абуль-Фарадж – ученый XIII века – говорил, что тот, кто разговаривает, постепенно снижая голос, несомненно, чем-то глубоко опечален; кто говорит слабым голосом – робок, как ягненок; тот, кто говорит пронзительно и несвязно, – глуп, как коза [Цит. по 1].

Интонация является звуковым средством языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому [10].

Интонация имеет сложную структуру и состоит из следующих элементов:

- интенсивные элементы: интонационная пауза, логическое ударение, интонационная интенсивность;
- частотные элементы: мелодика и диапазонная высота;

- темпоральные (временные) элементы: темп и эмфатическая долгота;
- спектральный элемент: интонационный тембр [2].

Рассуждая о роли интонационно-выразительных средств, Н.Н. Ивакина пишет, что восприятию речи в значительной степени способствует голос оратора. Это совокупность разнообразных по высоте, силе и тембру звуков, возникающих вследствие колебания голосовых связок при разговоре, крике, пении. Голос – основной инструмент убедительности. Это тонкий, прекрасный инструмент, которым можно передать различные оттенки мысли и чувства [5].

Интонация является своеобразным музыкальным оформлением любого судебного выступления, повышая его экспрессивность и воздействующий потенциал. Большое значение интонационному рисунку судебной речи придавал П.С. Пороховщиков, который в своей книге «Искусство речи на суде» (1910 г.), говоря о благозвучии, предостерегал остерегаться говорить ручейком: вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа. Чтобы избежать утомительного однообразия, надо составить речь в таком порядке, чтобы каждый переход от одного раздела к другому требовал перемены интонации [9].

Переходя к анализу практического материала, следует отметить, что в своих речах адвокаты, в основном, осуществляют воздействие с помощью таких средств, как мелодика (повышение, понижение тона), темп речи и логическое ударение.

Как известно, за счет мелодики текст разбивается на смысловые части – синтагмы, высказывания приобретают характер утверждения, вопроса, восклицания и др. Темп речи может быть быстрым, медленным или средним. Так, наиболее важную с точки зрения адвоката информацию можно выделить более медленным по сравнению с остальным текстом темпом речи. Кроме того, важные места можно отделить от остального потока речи паузой. Логическое ударение также используется для того, чтобы выделить наиболее важную часть высказывания, сделать на ней акцент [3].

Следует отметить, что чаще всего фонетические средства, в частности, компоненты интонации, используются в совокупности. Например, в следующей фразе, произнесенной адвокатом, воздействии осуществляется за счет мелодики и логического ударения:

Закон суров! / Но это закон. / Закон един для всех [6].

Здесь адвокат Р.В. Ардыкуца с помощью повышения тона при произнесении последнего слова в синтагме акцентирует внимание на таких характеристиках закона, как беспристрастность и справедливость. За счет такого произнесения высказывание несет характер торжественности и приподнятости.

В следующем примере воздействие осуществляется с помощью темпа речи адвоката:

Мы так часто слышим эти слова из средств массовой информации [6].

Начало предложения адвокат произносит медленно, тщательно проговаривая слова, акцентируя каждое из них, тем самым усиливая их значение и добавляя к сказанному негативную окраску. Замедленный темп речи в данном случае выражает недовольство, подразумевает, что количество и повторяемость сказанных в СМИ слов не означает объективность, правоту и искренность сказанного.

В нижеприведенном примере в первой синтагме, которая выражает факт о состоянии здоровья подсудимого С.В. Курышева, интонация утвердительная. Оттенок сожаления достигается за счет снижения тона и интенсивности речи, наблюдаемой к концу синтагмы. Затем, в следующих двух синтагмах, посредством повышения тона делается логическое ударение на двух словах: «вынужден» и «окончательно», что подчеркивает то, как С.В. Курышев, несмотря на плохое самочувствие, решил выполнить свой долг:

*Нельзя не отметить, что Сергей Владимирович страдает рядом хронических заболеваний, / и, несмотря на плохое самочувствие, желание отдохнуть дома с семьей, был **вынужден** поехать, / дабы **окончательно** разоблачить главу Ковровского района и его приближенных, записав очередной разговор на диктофон и передав*

запись в правоохранительные органы и руководству Владимирского региона [6].

Повышение тона в начале следующей фразы также используется с целью усиления отрицания:

Не может из таких ран вылиться такое количество крови [6].

В следующем примере Р.В. Ардыкуца цитирует Оскара Уайльда и, чтобы привлечь внимание аудитории к данной цитате, выделяет голосом важные места. Высказывание построено с использованием синтаксического параллелизма; параллельность наблюдается и в фонетическом оформлении высказывания: слово «любой» в начале синтагмы произносится повышенным тоном, чтобы подчеркнуть его значение универсальности, вторая же часть синтагмы произносится размеренно, с замедленным темпом, что призывает аудиторию задуматься, вникнуть в смысл произносимых адвокатом слов:

Любой суд, ***любой***, есть суд над чьей-либо жизнью, / и ***любой*** приговор – это смертный приговор! [6].

Далее адвокат цитирует Екатерину II. Цитата выделяется в потоке речи за счет тщательной артикуляции, а на словосочетании «десять виновных» ставится логическое ударение, которое подчеркивает, что оправдание даже виновного будет гуманнее, чем осуждение невиновного:

Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного! [6].

Задавая риторический вопрос и повышая тон на вопросительной частице «неужели», адвокат обращается к судье, как-бы взывает к его здравому смыслу. Далее следует нестандартное паузирование, которое не соответствует правилам русского языка, поскольку подлежащее отделяется от сказуемого заметной паузой, отдельно выделяется предлог «в». Безусловно, такая паузация и выделение отдельно каждой части высказывания подчеркивает абсурдность его содержания:

Неужели, / Ваша честь, неужели, / если бы Курьшев / был бы виновен / в / инкриминируемом ему деянии, / он скрывался бы от

следствия? Неужели бы Курышев не признался в совершённом им преступлении? [6].

Далее адвокат начинает отбивать ритм, постукивая по столу, что усиливает утвердительный характер высказывания, придает ему большую убедительность и эмоциональность:

Показания Курышева / грубо / искажались / на предварительном следствии, / следователями непосредственно. / Курышев нам об этом говорил, / и не раз, / и сегодня также в прениях [6].

Завершает свою речь адвокат уже более спокойно, что добавляет контраста и яркости всему выступлению. Так, последующая фраза почти полностью произносится на одном дыхании, ровным тоном, ударение делается лишь на слове «невиновен», после чего следует пауза, затем указывается, в чем именно невиновен подзащитный. Ровная интонация подчеркивает уверенность адвоката, а выделение слова «невиновен» показывает, в чем именно он уверен:

*Я уверен, у меня нет сомнений, что депутат Законодательного Собрания Владимирской области Курышев **невиновен** / в предъявленном ему обвинении* [6].

В следующем примере повышение тона происходит на произнесении словосочетания «в пользу», тем самым подводя итог всей речи адвоката и выражая главный посыл, который адвокат в нее закладывал – подсудимый С. В. Курышев не виновен и должен быть оправдан:

Все сомнения, ещё раз повторяюсь, / должны трактоваться в пользу Курышева, в пользу моего подзащитного [6].

Таким образом, на примере анализа речи адвоката Р.В. Ардыкуцы можно сделать вывод, что речевое воздействие на аудиторию за счет использования фонетических средств вместе с другими средствами, такими как лексические, синтаксические, стилистические и др., может проявляться достаточно ярко и являться эффективным способом влияния на аудиторию в рамках судебного процесса.

Список литературы

1. Абрамова Н.А., Володина С.И., Никулина И.А. Риторика. Учебное пособие для бакалавров. М., 2014. URL: <https://books.google.ru/book>

- s?id=1PISAgAAQBAJ&pg=PT146&lpg=PT146&dq (дата обращения: 27.03.2018).
2. Баранов Р.Е. Пособие по русскому языку с основами языкознания. М.: МПГУ, 2015. 149 с.
 3. Великая Е.В. Просодия в стилевой дифференциации языка. Монография. М.: Прометей, 2009. 256 с.
 4. Зарезина С.Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук; Иркутский гос. лингвистический ун-т. Иркутск, 2004. 236 с.
 5. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов). М.: Издат. дом Юристь, 2007. 464 с.
 6. Изящное выступление Адвоката. URL: <https://inlove.kz/watch/mr=055=2015-06-01=izyashchnoe-vistuplenie-advokata/0PNkbUD-VtCs> (дата обращения: 3.04.2018).
 7. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 224 с.
 8. Малинович Ю.М. Введение // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категори. Москва – Иркутск, 2003. С. 4–6.
 9. Сергеич П. Искусство речи на суде (фрагменты) // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/iskusstvo-rechi-na-sude-fragmenty> (дата обращения: 29.03.2018).
 10. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 784 с.
 11. Солдатова А.А. Стратегия коммуникативных стратегий и тактик в адвокатском дискурсе // Вестник ТвГУ. 2011. Выпуск 2. С. 252–258.
 12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
 13. Ackermann E. Perspective-taking and object construction // *Constructionism in Practice* / Ed. by Y. Kafai. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 25–41.
 14. Bettencourt A. The construction of knowledge: a radical constructivist view // *The Practice of Constructivism in Science Education* / Ed. by K. Tobin. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 23–39.

15. Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 394 p.
16. Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases / D. Kahneman, A. Tversky // *The Simulation Heuristics* / Ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge University Press, 1982, pp. 201–208.
17. Tobin K. Constructivism as a referent for teaching and learning // *The Practice of Constructivism in Science Education* / Ed. by K. Tobin. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 3–230.

References

1. Abramova N.A., Volodina S.I., Nikulina I.A. *Ritorika. Uchebnoe posobie dlya bakalavrov* [Rhetorics. Workbook for Bachelors]. Moscow, 2014. <https://books.google.ru/books?id=1PISAgAAQBAJ&pg=PT146&lp-g=PT146&dq> (accessed on: 27.03.2018).
2. Baranov R.E. *Posobie po russkomu yazyku s osnovami yazykoznaniya* [Workbook on Basics in the Russian Language and Linguistics]. Moscow, MGPU, 2015. 149 p.
3. Velikaya E.V. *Prosodiya v stilevoj differenciacii yazyka* [Prosody in Style Differentiation of the Language]. M: Prometey, 2009. 256 p.
4. Zarezina S.N. *Ustojchivye lichnostnye smysly v aspekte mezkul'turnoj kommunikacii (na materiale statej o Rossii v anglojazychnoj presse za 1991–2004 gg.)* [Recurrent Personal Meaning in the Aspect of Intercultural Communication (based on the Articles about Russia in English Mass Media Discourse): dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk gos. lingvističeskij un-t. Irkutsk, 2004, 236 p.
5. Ivakina N.N. *Osnovy sudebnogo krasnorečija (ritorika dlya juristov)* [Basics on Trial Eloquence]. M.: Jurist, 2007. 464 p.
6. *Izyashchnoe vystuplenie Advokata* [The Exquisite Performance of the Lawyer]. <https://inlove.kz/watch/mr=055=2015-06-01=izyashchnoe-vistuplenie-advokata/OPNkbUDVtCs> (accessed on: 03.04.2018).
7. Issers O.S. *Rechevoye vozdeystviye: uchebnoye posobiye* [Speech Effects: Workbook]. Moscow: Flinta, 2009. 224 p.
8. Malinovich Yu.M. *Vvedenie* [Basics]. Antropologičeskaya lingvistika: Koncepty. Kategori. Moskva – Irkutsk, 2003, pp. 4–6.

9. Sergeich P. *Iskusstvo rechi na sude* [The Art of Speech in Court] (fragmenty). <https://cyberleninka.ru/article/v/iskusstvo-rechi-na-sude-fragmenty> (accessed on: 29.03.2018).
10. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 784 p.
11. Soldatova A.A. Strategiya kommunikativnyh strategij i taktik v advokatskom-diskurse [Communicative Strategies and Tactics in Advocacy Discourse]. *Vestnik TvGu*, №2. 2011, pp. 252–258.
12. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Basics on Speech Effects]. Voronezh, Istoky, 2001. 252 p.
13. Ackermann E. Perspective-taking and object construction. *Constructionism in Practice*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 25–41.
14. Bettencourt A. The construction of knowledge: a radical constructivist view / A. Bettencourt. *The Practice of Constructivism in Science Education*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 23–39.
15. Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1989. 394 p.
16. Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *The Simulation Heuristics*. Cambridge University Press, 1982, pp. 201–208.
17. Tobin K. Constructivism as a referent for teaching and learning. *The Practice of Constructivism in Science Education*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993, pp. 3–230.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зарезина Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Иркутский государственный университет

ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация

zaregina@mail.ru

Мойсеенко Александр Александрович, кандидат филологических наук, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

*Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация
sanich_2001@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zarezina Svetlana Nikolaevna, Associate Professor of the English Philology Chair, PhD in Philological Science, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication
*Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
zaregina@mail.ru*

Moiseenko Aleksander Aleksandrovich, Associate Professor of the English Philology Chair, PhD in Philological Science, Institute of Philology, Foreign Languages and Mediacommunication
*Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
sanich_2001@mail.ru*